

Чтобы никогда больше не было 58-х статей

Родилась я в России, в Оренбургской области, в селе Новоникитино Шарлыкского района. Мой дедушка Ярцев Леонтий Павлович, бабушка Федосья Алексеевна (умерла до моего рождения, и я росла с другой бабушкой — Ганей), отец Пантелеймон Леонтьевич и мама Марина Андреевна были уважаемые в селе люди, имели 5 десятин земли, две лошади, две коровы, 5 овец, полтора десятка кур.

К 1930 году нас живых осталось четверо детей, трое умерли в голодовку 1921 года и в первые годы после нее. По приказу власть имущим дедушка отвел на общественный двор всю живность, кроме кур. Хлеб отдать не захотел, он еще не забыл голодовку 1921 года. Его арестовали и увезли в район, и с этого дня он исчез бесследно. Потом забрали отца, увезли строить железную дорогу на участке Акмолинск—Караганда. В 5 лет я стала «врагом народа» вместе со своей старшей сестрой, младшими братишкой, сестренкой и мамой.

Летом 1931 года привезли нас впятером в Казахстан на поселок № 11. В сентябре пришел с железной дороги больной отец. В этом же месяце умерла сестренка (двух лет не было), в конце сентября или начале октября умер отец 32 лет от роду.

Балаганя, дизентерия, неотапливаемый барак, тиф как у всех. Но мы почему-то вчетвером выжили. А вот голодовку 33-го года братишка не пережил, умер в семилетнем возрасте.

В 1932 году я пошла в школу в нулевой класс. Чему и как учила нас добрейшая Анастасия Андреевна Таранина, не помню. Помню, как она после занятий раздавала паек: кусочек хлеба величиной со спичечный коробок, иногда к этому кусочку палочкой (а может спичкой) был приколот добавок величиной с фасолину, а потому казался больше, и именно его хотелось получить и спичечный коробок сахара (не горкой, счищали палочкой то, что было выше краев коробочки). Под сахар подставляли кто ладошку (и тут же отправляли в рот), кто листок бумажки, кто грязную тряпицу. И сахар, и кусочек хлеба я несла домой. Там меня ждал братишка. Делили мы добавок (если он случался) на две равные крошки, клали под язык и молчали, наслаждаясь вкусом хлеба и боясь проглотить эту крошку. Остальной мой паек мы берегли до прихода мамы с сестрой. Сестре 12 лет было, она работала вместе с мамой. Они тоже приносили свой паек. Мама делила все поровну и на весь день. Очень тогда мечтали насыться досыта хлеба, никогда не вспоминали ни о мо-

локе, ни о мясе, только о хлебе. Не суждено было Васе поесть досыта хлеба, а мы наелись в 1933 году. Какая это была радость, кажется, и ничего больше не надо.

Четыре класса я закончила доме, в это время мы жили уже в Шокае, куда были выселены вторично, в голую степь, училась охотно. В пятый класс надо было охотиться за 15 километров в тот наш первый одиннадцатый поселок. И мы ходили, небольшой недельный паек несли за плечами. Моими учителями, начиная с 5-го класса, были все мужчины, только по ботанике была единственная женщина. Учителей своих любили, их лица помню до сих пор. Учились почти все хорошо. Кому не давалась учеба, а такие случались, бросали школу, шли работать. Тогда в любом возрасте принимали на работу.

На девятом поселке в 18 километрах от нас училась а 8—10 классах. Учителями были тоже почти все мужчины и тоже в каждом из нас видели личность. За то мы их и любили.

В 1943 году закончила 10 классов, поехать куда-либо учиться было не на что, пошла работать в колхоз. Работать умела, потому что, начиная с 4 класса, каждое лето работала на разных работах. И в годы войны копнула, скирдовала, лобогрейкой косила, снопы вязала, зерно мешками, ящиками по трапу носила, молотила, на быках и на тракторе (прицепщицей) пахала, коров доила, солому из копен из-под снега возила. Работу по силам не выбирала, все работала там, куда пошлют. И удивительно, почти бесплатно, за паек. Все для фронта, все для победы. И так привыкли все для кого-то, для чего-то, но не для себя.

Первый свой шестимесячный паспорт с 58-й статьей получила в 1945 году, хотела поехать учиться, да не отпустили с работы, потом заменили на годичный, и опять в нем 58-я статья. За что? Ни я, им мои родители никогда ни стране, ни людям ничего плохого не делали, только работали до седьмого пота. Видно, за труд 58-я статья и полагаются.

Работала в школе. Хорошо ли, плохо ли, об этом судить моим ученикам, а за 33 года много их прошло через мои руки. Великая награда для меня, что среди них (о которых я имею хоть какие-то сведения) нет ни одного преступника и туеядца, ведь они родились от «врагов народа», которые никогда бездельниками не были. Я давно не работаю, на пенсии и многие мои ученики. С некоторыми поддерживаю связь до сих пор, радуясь их радостям, печальюсь вместе с ними. Благодарна я судьбе за свою общительность: людские тревоги — мои тревоги, людская радость — моя радость